

A man in a dark suit and light shirt walks towards the camera on a wet, cobblestone street at night. He is holding a dark briefcase in his right hand. The street is illuminated by warm, orange streetlights and neon signs, with reflections on the wet pavement. The background is slightly blurred, showing more of the street and buildings.

Игорь Яшанов

ИЗНАНКА

18+

Игорь Яшанов

ИЗНАНКА

«Автор»

2026

Яшанов И.

ИЗНАНКА / И. Яшанов — «Автор», 2026

Обычный офисный курьер по имени Игорь, он работает курьером возит документы папки по Москве и даже не подозревал что есть Изнанка Москвы совсем другое измерение и ему суждено стать избранным который открывает дверь в Изнанку.

© Яшанов И., 2026

© Автор, 2026

Игорь Яшанов

ИЗНАНКА

Содержание:

1. Пробка, чай и папка "Лично"
2. Метро которое дышит
3. Вера и карта разрывов
4. Проездной который не гаснет
5. Вадим Петрович знает больше
6. Смотритель на заброшенной станции
7. Бумаги с ошибками
8. Двойник, которого ждут
9. Предательство в офисе
10. Изнанка — это ловушка
11. Вера: правда и ложь
12. Новый Куратор
13. Побег из Изнанки
14. Москва, которая трещит
15. Разговор с собой
16. Мост
17. Контора
18. Освобождение
19. Дверь на Таганской
20. Курьер между мирами

ИЗНАНКА

Глава 1.

Пробка, чай и папка «Лично»

Будильник на телефоне сыграл ту же мелодию, что и вчера. И позавчера. И, если честно, все последние три года.

Я открыл глаза и некоторое время смотрел в потолок, пытаюсь вспомнить, зачем мне всё это. Работа. Метро. Люди. Папки. Кофе из автомата за девяносто рублей, который на вкус как горячая вода, в которой кто-то помыл носки. Нет, правда, зачем?

Часы показывали 7:12. Я должен был встать в 7:00.

— Прекрасно, — сказал я вслух. В комнате никого не было, но говорить вслух в пустой квартире — это моя единственная роскошь. — Просто прекрасно.

Я жил в однушке на Люблинской. Не потому что любил Люблино, а потому что там дешевле. Девять этажей, панель, лифт, который работает через раз. По утрам из крана шла ржавая вода, по вечерам сосед сверху что-то ронял. Обычная московская жизнь, ничего личного.

Собрался за двенадцать минут. Это мой рекорд. Куртка, кроссовки, рюкзак. В рюкзаке — термос с чаем, зарядка, бутерброд и чувство собственного достоинства. Последнее — опционально.

На улице моросил дождь. Тот самый московский, который не дождь, а состояние души. Он не льёт, не капает — он просто висит в воздухе и делает всех вокруг слегка несчастными.

Я добежал до метро. Турникет пискнул, проездной мигнул зелёным. Спустился на платформу. Поезд пришёл через минуту.

Обычно я не замечаю метро. Ну, то есть замечаю, конечно, — как фон. Люди в наушниках, люди в телефонах, люди, которые спят стоя. Кто-то читает, кто-то смотрит в пол, кто-то смотрит сквозь тебя. Никто не смотрит друг на друга. Это правило. В московском метро смотреть на людей — почти неприлично. Как ковырять в носу.

Я ехал от Люблино до Чистых прудов. С пересадкой. Двадцать семь минут, если повезёт.

Не повезло.

Офис нашей фирмы назывался гордо: «СтройГарантБрокер». Что именно мы гарантировали и что брокерили — не знал никто, включая начальство. Мы возили документы. Точка. Я, Дима и Олег — курьеры. Вадим Петрович — начальник. Ещё была Наташа на ресепшене, которая всегда жевала жвачку и всегда смотрела на меня так, будто я ей что-то должен.

Я вошёл в офис в 9:04.

Вадим Петрович стоял у моего стола.

— Игорь, — сказал он.

Это плохой знак. Когда он говорит по имени — значит, либо опоздание, либо косяк. Когда по фамилии — значит, всё нормально. У него была такая система. Фамилия — ты винтик. Имя — ты проблема.

— Опоздал на четыре минуты, — сказал я. — Пробки.

— У тебя в Люблино какие пробки? — спросил он. — Ты на метро ездишь.

— Пробки в душе, Вадим Петрович. Не мог выйти из зоны комфорта.

Он не оценил. Он никогда не оценивает. Вадим Петрович — мужчина лет пятидесяти, с лицом человека, который всю жизнь ждал чего-то лучшего и не дождался. Он носил один и тот же серый пиджак, и пахло от него старым одеколоном и разочарованием.

— Вот, — сказал он и бросил на стол папку.

Папка была необычная. Толстая, тёмно-коричневая, с завязками. На лицевой стороне — гриф красным: «ЛИЧНО». Ни адреса, ни имени. Просто «Лично».

— Таганская, — сказал Вадим Петрович. — Адрес внутри. Отдать лично в руки. Не оставлять, не передавать через секретаря, не терять. Понял?

— Понял.

— Это важно, Игорь. Очень важно. От этого зависит... — он запнулся, — ...репутация фирмы.

Я взял папку. Она была тяжёлая. Килограмма полтора, не меньше. Что там, кирпичи?

— И ещё, — Вадим Петрович понизил голос. — В метро не спускайся.

Я моргнул.

— В смысле?

— На Таганской ремонт. Вестибюль закрыт. Иди пешком от Китай-города. Или на такси. Но в метро — не надо.

— Вадим Петрович, у меня проездной.

— Я тебе дам на такси, — сказал он и полез в кошелёк. — Вот. Тысяча. Доедешь.

Это было странно. Вадим Петрович никогда не давал денег на такси. Вадим Петрович вообще никогда не давал денег. Я взял купюру, потому что отказываться было бы ещё страннее.

— Хорошо, — сказал я. — Не спускаюсь.

— Умница, — сказал он. И ушёл в свой кабинет.

Наташа на ресепшене перестала жевать жвачку и посмотрела на меня. Долго. Потом снова начала жевать.

Я сел за стол и открыл папку. Внутри был конверт. А4, запечатанный, с адресом, написанным от руки. Никаких координат, никаких имён. Просто адрес: Таганская, 12, стр. 3, кв. 47.

Я не знал такого дома. Но мало ли.

Работа есть работа.

До Китай-города я доехал нормально. Вышел, поднялся по эскалатору, глотнул влажного воздуха. Дождь усилился. Я прошёл мимо ГУМа, мимо гостиницы «Метрополь», свернул на Варварку. Впереди была Таганка, но идти туда пешком — минут сорок. Неохота.

Я посмотрел на телефон. Время — 11:47.

В кармане лежала тысяча на такси. Но где-то глубоко в голове, в том самом месте, где живёт лень, кто-то прошептал: «А зачем? Проездной есть. Одна остановка. Никто не узнает».

Вадим Петрович сказал: не спускайся.

Но Вадим Петрович — это Вадим Петрович.

Я спустился на Китай-городе.

Платформа была почти пустая. Я это сразу отметил, хотя не придавал значения. Обычно на Китай-городе в обед — толпа. А тут — три человека. Старуха с сумкой на колёсиках. Мужик в наушниках. И парень в куртке, который смотрел в телефон.

Я встал у края. Поезд должен был прийти через минуту. На табло горело: 00:47.

Стоп.

00:47?

Я посмотрел на часы. 11:48. Табло показывало 00:47. Не «11:48». Не «время до поезда». Просто «00:47».

Я моргнул. Табло мигнуло и снова стало нормальным: 11:48.

Показалось.

Поезд пришёл. Я вошёл в вагон. Двери закрылись.

И тут я понял, что еду не в ту сторону.

Я должен был ехать до Таганской. Но поезд шёл по кольцу, а не по прямой. Я посмотрел на схему над дверью. Она была странная. Станции я знал, но порядок их был другим. И ещё — между «Китай-городом» и «Таганской» появилась станция, которой я никогда не видел.

«Тишина».

Я уставился на неё. «Тишина». Чёрная точка на схеме. Я знал московское метро. Я знал его наизусть — все ветки, все пересадки, все выходы. Такой станции не существовало.

Я достал телефон. Карты не грузились. Вообще. Экран горел, но вместо карты — серое поле.

Поезд замедлил ход.

— Следующая станция — Тишина, — сказал голос из динамика.

Голос был неправильный. Слишком ровный. Без интонации. Как будто читал робот, которого никто не учил читать.

Вагон остановился. Двери открылись.

Я выглянул.

Платформа была пустая. Абсолютно. Белый кафель, холодный свет, ни души. И тишина. Такая, что слышно, как звенит в ушах.

Я не вышел.

Двери закрылись. Поезд поехал дальше.

Я выдохнул.

И тут я увидел, что папка в моём рюкзаке стала тёплой.

Я расстегнул рюкзак и достал её. Тёмно-коричневая, с завязками. Она была тёплая, как грелка. Я её открыл. Конверт внутри лежал на месте. Но на конверте — я готов был поклясться — минуту назад адрес был написан чёрной ручкой.

Теперь он был написан красной.

Таганская, 12, стр. 3, кв. 47.

Всё то же самое. Но красным.

Я закрыл папку. Положил в рюкзак. Решил, что мне кажется. Что я устал. Что это просто нервы.

Поезд остановился.

— Станция — Таганская, — сказал голос.

Я вышел.

Платформа была пустая. Это было первое, что я заметил. На Таганской в обед — всегда люди. Всегда. Даже в выходные. А тут — никого.

Я поднялся по эскалатору. Эскалатор работал, но тоже как-то странно. Гудел громче, чем обычно. И лампы мигали.

Вестибюль был закрыт. Я это сразу увидел — решётка, табличка «Ремонт». Но решётка была приоткрыта. На сантиметр. Может, на два.

Я подошёл. Заглянул.

За решёткой был коридор. Длинный, тёмный. И в конце коридора — дверь.

Она была старая. Деревянная, крашеная в зелёный. Такие двери бывают в старых московских домах — с облупившейся краской и латунной ручкой. На двери было что-то написано. Я прищурился.

«ВЫХОД».

Но это был не выход.

Я стоял и смотрел на неё. Долго. Наверное, минуту. Или две. Или десять — я потерял счёт.

Надо было уйти. Позвонить Вадиму Петровичу. Сказать, что Таганская закрыта, что я не могу доставить папку. Отдать тысячу, взять такси, поехать домой.

Но я стоял.

И смотрел.

И где-то внутри меня — в том самом месте, где живёт не лень, а что-то другое, глубокое, старое, — что-то отозвалось.

Я толкнул решётку. Она поддалась.

Я вошёл в коридор.

Запах был странный. Не метро. Не пыль. Пахло озоном. Как перед грозой. Как после молнии.

Я подошёл к двери. Ручка была холодная. Я положил на неё руку.

И тут дверь открылась сама.

За ней был свет. Не белый, не жёлтый — просто свет. И тишина. Такая же, как на станции «Тишина».

Я посмотрел на часы. 11:59.

Я посмотрел на папку. Она была тёплая. Я посмотрел в дверь.

И шагнул.

Глава 2.

Метро, которое дышит

Я ожидал удара. Или падения. Или хотя бы сквозняка.

Ничего.

Я просто стоял. На том же месте. В том же коридоре. Только дверь за спиной исчезла.

Я обернулся. Стена. Обычная стена, покрашенная в грязно-бежевый. Ни двери, ни ручки, ни намёка. Я потрогал её. Холодная. Настоящая.

— Так, — сказал я вслух. — Так-так-так.

Голос прозвучал глухо. Как в вате. Или как в наушниках, когда играет тишина.

Я посмотрел вперёд. Коридор вёл к платформе. Я узнал его — это был выход с Таганской, только... другой. Плитка на полу была не серой, а чуть зеленоватой. Лампы на потолке горели ровно, без мигания. И пахло не озоном, а чем-то другим. Чем-то тёплым. Как будто рядом пекли хлеб.

Я вышел на платформу.

И остановился.

Таганская. Я узнал её. Колонны, своды, мозаика на стенах. Но всё было чуть-чуть не так. Мозаика изображала не космонавтов и не рабочих, а что-то другое. Я присмотрелся. Люди. Много людей. Они стояли в кругу и держались за руки. Лица у них были спокойные. Слишком спокойные.

Я перевёл взгляд на платформу.

Люди были. Много. Но они не разговаривали. Вообще. Никто не смотрел в телефон — телефонов у них не было. Никто не читал. Они просто стояли и ждали поезд. Молча. Все. Как один.

И ещё — глаза. У всех глаза были чуть светлее, чем должны быть. Не светящиеся, нет. Просто... как будто в них было больше света. Или меньше тени.

Я почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Извините, — сказал я. Громко. Слишком громко.

Никто не обернулся. Никто не вздрогнул. Как будто я не сказал ничего. Как будто меня не было.

Я подошёл к женщине в пальто. Лет сорока, с сумкой.

— Извините, — повторил я. — Это Таганская?

Она посмотрела на меня. Медленно. Спокойно.

— Да, — сказала она. Голос был ровный. Как у диктора. — Таганская.

— А... какой это город?

Она моргнула. Один раз. Медленно.

— Москва, — сказала она. И отвернулась.

Москва. Значит, Москва. Просто другая.

Я отошёл к колонне и прислонился. Ноги были ватные. Голова кружилась. Я достал телефон. Экран горел, но сети не было. Ни одной палочки. Ни Wi-Fi, ни GPS. Время показывало 12:00. И не менялось.

Я убрал телефон. Посмотрел на папку. Она всё ещё была тёплая. Я открыл её. Конверт лежал на месте. Адрес — красным. Таганская, 12, стр. 3, кв. 47.

Ладно. Ладно. Значит, надо доставить.

Я вышел в город.

Москва была та же. И не та.

Я узнавал улицы. Таганская площадь, радиальные, высотка у Красных Ворот вдалеке. Но дома были другие. Чуть выше. Чуть светлее. Окон больше. И людей — меньше. Не пусто, нет. Но как-то... разреженно. Как будто кто-то убрал каждого третьего.

Машины ездили. Но бесшумно. Совсем. Ни гудков, ни рёва двигателей. Только шорох шин по асфальту.

Я шёл по улице и чувствовал себя инородным телом. Люди смотрели на меня. Не враждебно. Просто смотрели. Долго. И отводили взгляд.

Я нашёл дом. Таганская, 12, стр. 3. Обычный дом. Пятиэтажка. Подъезд открыт. Я вошёл. Лестница. Запах — не сырости, а чего-то травяного. Как в аптеке.

Квартира 47. Четвёртый этаж. Я поднялся. Позвонил.

Тишина.

Позвонил ещё раз.

Дверь открылась.

На пороге стояла женщина. Лет шестидесяти пяти. Светлые волосы, собранные в пучок. Приятное лицо. Доброе. И глаза — замысловатые. Я не знаю, как это описать. Они смотрели на меня так, будто знали всё. Вся мою жизнь. Все мои мысли. И всё равно улыбались.

— Игорь, — сказала она. — Наконец-то.

Я замер.

— Мы не знакомы, — сказал я.

— Теперь знакомы, — сказала она. — Меня зовут Вера. Входи.

Глава 3.

Вера и карта разрывов

Квартира была небольшая. Три комнаты, кухня, коридор. Но чистая. Очень чистая. Как будто здесь никогда не жили. Или как будто жили, но не оставляли следов.

Я стоял в прихожей и не снимал куртку.

— Проходи, — сказала Вера. — Не бойся. Я не кусаюсь.

— Я не боюсь, — соврал я.

— Боишься. Это нормально. Все боятся в первый раз.

Она прошла на кухню. Я — за ней. Медленно. Оглядываясь.

Кухня была обычная. Стол, две табуретки, газовая плита. Чайник. На стене — карта. Большая. Метро. Но не такое, как я знал. Линии были другие. Станции — другие. И ещё — поверх карты были нарисованы круги. Красные. Синие. Чёрные. Как будто кто-то отмечал что-то. Или кого-то.

Вера села за стол. Показала на табуретку.

— Садись. Чай будешь?

— Буду, — сказал я. Потому что чай — это нормально. Чай — это якорь. Пока пьёшь чай, всё не так страшно.

Она налила. Из обычного чайника. В обычные кружки. Чай был чёрный, крепкий, с чем-то травяным. Я сделал глоток. Тепло. Нормально. Почти как дома.

— Итак, — сказала Вера. — Ты хочешь знать, где ты.

— Да.

— Ты в Москве.

— Это не Москва.

— Это Москва, — сказала она. — Просто другая. Мы называем её Изнанка.

— Изнанка, — повторил я. — Как изнанка одежды?

— Примерно. Ты когда-нибудь задумывался, что у каждого города есть изнанка? Не в смысле бедные кварталы. А в прямом смысле. Второй слой. Как у ткани.

Я посмотрел на карту на стене.

— И вы здесь живёте?

— Живём, — сказала Вера. — Уже давно. Очень давно.

— Сколько?

Она улыбнулась. Замысловато. Как будто я спросил что-то смешное.

— Дольше, чем ты думаешь. Но это неважно. Важно другое. Ты здесь не случайно.

Я поставил кружку.

— Я здесь случайно. Я просто спустился в метро. Мне нужно было доставить папку.

— Папку, — сказала Вера. — Покажи.

Я достал папку. Положил на стол. Вера посмотрела на неё. Долго. Потом провела пальцем по грифу «ЛИЧНО».

— Кто дал тебе это?

— Начальник. Вадим Петрович.

— Вадим, — сказала Вера. И что-то мелькнуло в её глазах. Что-то тёмное. — Вадим ещё жив?

— Жив. А что, должен был умереть?

Она не ответила. Встала, подошла к плите, налила себе чай. Стояла спиной ко мне. Молчала.

— Вера, — сказал я. — Что происходит?

Она обернулась. Лицо было спокойное. Доброе. Как у бабушки. Но глаза — нет. Глаза были старые. Очень старые.

— Ты когда-нибудь слышал о курьерах? — спросила она.

— Я сам курьер.

— Нет. Я не о тех, кто возит бумажки. Я о других. О тех, кто возит между мирами.

Я молчал.

— Таких, как ты, — сказала Вера. — Их немного. Они появляются раз в десять, двадцать лет. Люди, которые могут проходить через двери. Не все. Только те, у кого есть... — она запнулась, — ...связь.

— Какая связь?

— Якорь, — сказала она. — Внутри. Что-то, что держит тебя в обоих мирах одновременно. Ты не замечал? Что тебе иногда снится метро? Что ты иногда слышишь гудок поезда, когда его нет? Что ты иногда чувствуешь, что ты не совсем здесь?

Я хотел сказать «нет». Но не сказал. Потому что это было правдой. Я никогда об этом не думал. Но это было правдой. Метро снилось. Гудок слышался. И иногда, в толпе, я чувствовал, что я не совсем здесь. Как будто я наполовину где-то ещё.

— Замечал, — сказал я тихо.

— Вот, — сказала Вера. — Поэтому ты здесь.

Она села обратно. Взяла папку. Развязала завязки. Открыла. Достала конверт. Посмотрела на адрес. Красный.

— Это якорь, — сказала она. — Каждая папка, которую ты возил, — это якорь. Ты соединял миры. Ты не знал. Но ты делал это.

— Зачем?

— Затем, что кто-то хочет открыть двери. Все двери. Чтобы миры слились. Изнанка и Москва. В один. И управлять им.

— Кто?

— Контора, — сказала Вера. — Они называют себя так. Они везде. В твоём офисе. В твоём метро. В твоей голове.

Я посмотрел на папку. На конверт. На красный адрес.

— И Вадим Петрович? Он тоже?

— Вадим, — сказала Вера, — это отдельный разговор. Он был моим... — она замолчала. — Неважно. Важно то, что ты здесь. И то, что ты можешь вернуться.

— Могу?

— Можешь. Дверь откроется снова. В 00:03. Через двенадцать часов.

— Двенадцать часов?

— Время здесь идёт по-другому. Час здесь — десять минут там. Ты вернёшься в тот же день. В 12:01. Как будто ничего не было.

Я выдохнул. Облегчение. Настоящее. Как глоток воздуха.

— Но есть условие, — сказала Вера.

— Какое?

— Ты должен вернуться не один. Ты должен взять меня с собой.

Я посмотрел на неё. На её светлые волосы. На её доброе лицо. На её старые глаза.

— Зачем?

— Потому что я должна найти одного человека, — сказала она. — В твоей Москве. Я не могу пройти сама. Мне нужен курьер.

— Почему я?

— Потому что ты — ключ, — сказала Вера. — Не тот, которым открывают. Тот, которым закрывают.

Она встала. Подошла к стене. Отодвинула карту. Под ней была другая. Фотографии. Много. Люди. Разные. Мужчины. Женщины. Молодые. Старые.

И среди них — я.

Я подошёл ближе. Фото было чёрно-белое. Я. В куртке. С рюкзаком. Смотрел в камеру. Улыбался. Как будто не знал, что будет дальше.

Под фото была подпись, написанная от руки. Аккуратным почерком.

«Курьер Игорь. Пропал 3 месяца назад».

Я смотрел на фото. Долго. Очень долго.

— Это не я, — сказал я.

— Это ты, — сказала Вера. — Просто ещё не знаешь.

— Я не пропадал. Я здесь. Я живой.

— Ты живой, — согласилась Вера. — Сейчас. Но через три месяца — пропадёшь. Если не сделаешь то, что нужно.

— Что нужно?

Она посмотрела на меня. Добро. Замысловато. И в её глазах было что-то, чего я не хотел видеть.

— Довериться мне, — сказала она. — И не задавать лишних вопросов.

Глава 4.

Проездной, который не гаснет

Двенадцать часов.

Я провёл их в квартире Веры. Она не выпускала меня. Говорила: «Рано. Нельзя. Контора следит».

Я сидел на кухне. Пил чай. Смотрел в окно. Изнанка жила своей жизнью. Люди ходили. Машины ездили. Бесшумно. Спокойно. Как будто всё хорошо. Как будто всё правильно.

Но я знал, что это не так.

Вера дала мне карту. Свою карту. Не метро — разрывов. Красные круги — открытые двери. Синие — закрытые. Чёрные — те, которые нельзя открывать. Никогда.

— Их немного, — сказала она. — Чёрных. Три. Одна на Таганской. Одна на Соколе. Одна — на заброшенной станции. Ты её не найдёшь на карте. Она есть только здесь.

— Что за станция?

— Тишина, — сказала Вера. — Ты её проехал. Помнишь?

Я помнил. Пустая платформа. Белый кафель. Звонящая тишина.

— Что там?

— Ничего, — сказала Вера. — И всё. Там дверь. Главная. Та, которую Контора хочет открыть. Та, которую ты должен закрыть.

— Я?

— Ты, — сказала она. — Но не сейчас. Сначала — вернуться. Потом — найти. Потом — закрыть.

— А если я не хочу?

Она посмотрела на меня. Добро. Замысловато.

— Тогда через три месяца тебя найдут мёртвым. И Изнанка, и Москва сгорят. И всё, что ты любишь, исчезнет.

Я замолчал.

В 23:50 Вера встала.

— Пора.

Мы вышли. Улицы были пустые. Ни людей, ни машин. Только свет. Холодный. Белый. Как в операционной.

Шли молча. Я — за Верой. Она — впереди. Уверенно. Как будто знала дорогу наизусть. Наверное, знала.

Вошли в метро. Таганская. Пустая. Тихая. Только эскалатор гудел. И лампы мигали.

— Вниз, — сказала Вера. — На платформу.

Спустились. Платформа была та же. Мозаика. Колонны. Люди — нет. Никого. Только мы.

Вера остановилась у края.

— Дверь откроется в 00:03. Ровно. Ты войдёшь первым. Я — за тобой. Не оборачивайся. Не сомневайся. Просто иди.

— А если я обернусь?

— Тогда останешься здесь. Навсегда.

Я посмотрел на часы. 23:58.

— Вера, — сказал я. — Почему вы помогаете мне?

Она улыбнулась. И в этой улыбке было столько всего, что я не смог прочитать.

— Потому что я была такой, как ты, — сказала она. — Много лет назад. Я тоже спустилась в метро. Я тоже увидела дверь. Я тоже вошла. И я не вернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.